

УДК 340.15

Вопросы реформирования судебной системы коренных народов Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

В. М. Деревскова

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются вопросы организации суда коренных народов Сибири на протяжении XIX – начала XX в., начиная с реформ М. М. Сперанского и дальнейшего их развития в связи с проведением судебной реформы 1864 г. в крае. Анализируются политика правительства в отношении сибирского края и инородцев, проблемы интегрирования инородческих судов в судебную систему страны.

Ключевые слова: судебная система Сибири, инородцы, судебная реформа.

Устав, подготовленный М. М. Сперанским и утвержденный Александром I 22 июня 1822 г., регламентировал все стороны жизни коренного населения – экономическую, культурно-бытовую, административную и судебную. Все коренное население было разделено на три разряда по уровню хозяйственного развития, и, исходя из этого, решался вопрос об устройстве в области управления и суда. Приравнивая оседлых инородцев, занимавшихся земледелием и торговлей, в области судебных прав и обязанностей к сословиям государственных крестьян, мещан и купечеству, «Устав» 1822 г. предусматривал распространение на них «Сибирского учреждения» 1822 г., закреплявшего общий для русского и коренного населения края порядок организации судебных присутственных мест. Вследствие этого судебная власть в созданных инородческих волостях сосредотачивалась в руках волостного правления, находившегося в прямой зависимости от действовавших на местах земских заседателей [3, с. 171]. Организация судебных органов среди «кочевых инородцев», включавших «сибирских обывателей нероссийского происхождения», менявших местожительство в зависимости от времени года («кочующих земледельцев» бурят, «южных и северных скотоводов» тунгусов и якутов) основывалась на трехступенчатой системе. Низшей инстанцией инородческого кочевого суда являлось родовое управление в лице старосты и помощников из «почетных и лучших родовичей», рассматривавшее споры и мелкие уголовные дела членов стойбища, объединявшего не менее пятнадцати семейств. Второй ступенью для кочевых инородцев была инородная управа, состоявшая из головы, писмоводителя и двух заседателей, и разбиравшая конфликты и споры, возникающие между представителями разных стойбищ, а также дела, поступавшие в апелляционном порядке из родовых управ. Третьей ступенью в иерархии судебных органов кочевых инородцев выступала степная дума, которая под

руководством «главного родоначальника, голов и заседателей» пересматривала решения инородных управ и в качестве первой инстанции отправляла правосудие по делам, затрагивающим интересы разных родов [3, с. 172]. Причисление коренных жителей в разряд «бродячих инородцев» означало сохранение всей полноты власти в руках старосты, наделяемого правом единоличного суда по делам своих сородичей.

Дальнейшей детализации Уставом об управлении инородцев 1822 г. были подвергнуты судебные полномочия инородческой администрации. Осознавая в силу неграмотности и «неведения русских законов» бесперспективность установления действующих в европейской России форм гражданско-правового и уголовно-правового регулирования общественных отношений, царское правительство наделяло органы инородческого самоуправления правом судебного «словесного» разбирательства гражданских споров и рассмотрения уголовных деяний, за исключением преступлений против основ государственной власти, против личности – «преднамеренного убийства, грабежа, растления девства, изнасилования девок и женщин, мужеложства и умерщвления блудоприжитых детей» и преступлений в сфере экономики, связанных с «хищением казенного, общественного имущества и фальшивомонетничества, совершаемых в кочевьях».

Исковые тяжбы между инородцами и «посадским людом», а также проступки и преступления старожильцев, имевшие место на территории русских селений и городов, подлежали разбирательству местных полицейских ведомств. Высшей апелляционной инстанцией по отношению к инородческому суду выступали органы общей юрисдикции [1, с. 182].

Таким образом, исходя из многоукладности производственных отношений в инородческой среде, в Сибири была введена дифференцированная система общественного управления и суда для оседлых, кочевых и бродячих инородцев. Это было связано, как указывает О. А. Авдеева, с невозможностью одномоментного вовлечения в орбиту общегосударственных правовых отношений бродячих и кочевых инородцев и тем самым вызывало необходимость сохранения патриархальной организации органов административно-судебной власти [1, с. 186]. Однако нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что сохранение рода как основной административной и экономической единицы облегчало эксплуатацию родовичей, точно так же как сохранение общины облегчало эксплуатацию крестьян. Это направление правительственной политики было традиционным, и именно поэтому описанная выше судебная система коренных народов Сибири фактически сохранялась неизменной на протяжении всего XIX в.

Судебная реформа 1864 г. не затронула ряда районов России, в том числе и Сибирь. Статс-секретарь В. П. Бутков образовал в 1867 г. при комиссии, Высочайше учрежденной 11 января 1865 г. для работ по преобразованию судебной части, особый отдел, который и должен был заняться вопросами судебной реформы в Сибири. С самого начала работы отдела стало ясно, что для Сибири будет необходим существенный отход от основных положений судебной реформы [14, с. 144]. В связи с этим вопрос о проведении судебной

реформы в Сибири рассматривался в двух аспектах: 1) по отношению к оседлому населению края, пользующемуся всеми гражданскими правами, в том числе и к оседлым инородцам; 2) к некоторым национальным группам, т. е. к кочевым и бродячим инородцам.

Наиболее сложным являлось рассмотрение вопроса о возможности применения «Основных положений преобразования судебной части в России» от 29 сентября 1862 г. к сибирским кочевым и бродячим инородцам. Главные местные начальства и некоторые должностные лица Западной и Восточной Сибири в своих предложениях прежде всего признавали возможным и необходимым распространить действие судебной реформы на указанные категории инородцев, при этом обращалось внимание на тот факт, что в действующем законодательстве существовали определенные изъятия из общего правила и вставал вопрос о том, насколько это будет согласовываться с новым судопроизводством. Этими изъятиями из общероссийского законодательства были следующие: 1) в приложении V ст. 168 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было указано, что все кочевые и бродячие инородцы Сибири за важные преступления, такие как возмущение, умышленное убийство (убийство с намерением), разбой, насилие, фальшивомонетничество, хищение казенного и общественного имущества и корчемство, подвергаются наказаниям на основании общих законов империи, а за менее важные судятся по нормам обычного права. Применялись также общероссийские законы в случае совершения преступлений или проступков в городах или селениях, а не в местах их кочевья [17, с. 16]. Налицо было противоречие в законодательстве, когда одни и те же действия инородцев, в случае их совершения в городах или селениях, считались преступлениями или проступками, если же они совершались в местах кочевья – гражданско-правовыми правонарушениями. Кроме того, указанные нормативно-правовые акты давали возможность широкого применения норм обычного права, поскольку все преступления и проступки, совершаемые в местах кочевья, подчинялись действию степных законов и обычаев. В число маловажных противозаконных деяний вошли такие составы, как кража, телесные повреждения, поджог и другие, которые, конечно же, должны были преследоваться в уголовном порядке. Действие норм обычного права распространялись не только тогда, когда деяния были направлены против сородичей, но и против посторонних лиц – в этом случае квалифицирующим признаком было место совершения уголовно наказуемого деяния. Таким образом, существующие на тот период изъятия из общероссийского законодательства создавали довольно серьезные проблемы при их применении, поэтому при рассмотрении вопроса о возможности распространения основных положений судебной реформы необходимо было учитывать эти факторы.

В свою очередь члены особого отдела отмечали, что поскольку инородческие законы и обычаи не получили письменной фиксации, то отправление правосудия может зависеть от личного усмотрения и произвола инородческих старейшин и родоначальников, в отношении которых затруднен контроль, так как общие присутственные места с этими законами незнакомы. Учитывая все вышеприведенные соображения, был сделан однозначный вывод, что при

проведении судебных преобразований в Сибири необходимо отменить действие родового суда и обычного права кочевых и бродячих инородцев при рассмотрении уголовных дел и подчинить эти категории населения за все преступления и проступки вне зависимости от места их совершения суду и наказанию по общеимперским законам [12, л. 92 об]. Несмотря на столь категорическое предложение, члены отдела указали на то, что могут быть допущены два изъятия. Во-первых, в кочевьях инородцев не были введены в действие некоторые общие учреждения и уставы, и квалификации действий как преступлений или проступков не могло и быть, поэтому особый отдел предлагал дополнить «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» примечанием следующего содержания: «Кочевым и бродячим инородцам, в местах их кочевья, не вменяются в вину деяния, хотя и предусмотренные общими учреждениями и уставами, но которые не введены в этих местах в действие». Во-вторых, кроме проступков, подлежащих рассмотрению общими судами, существовал ряд маловажных проступков, разбираемость которых проводилось в волостных судах. Поскольку многие инородцы не знали русского языка, то члены особого отдела сделали предположение о возможности решать в местных инородческих судах дела по нормам обычного права [12, л. 93 об.]. Таким образом, обсудив вопрос о действии обычного права инородцев при рассмотрении уголовных дел, члены особого отдела пришли к выводу о необходимости отмены указанных норм, за исключением двух изъятий, обусловленных спецификой действия общероссийского законодательства на территории Сибири.

В отношении гражданского судопроизводства законодательством для кочевых и бродячих инородцев допускались следующие изъятия: 1) гражданские дела инородцев должны были разбирать родовые управления, инородные управы и полиция, и только в случае неудовлетворения принятого решения дела рассматривались в окружном суде, причем судопроизводство во всех перечисленных инстанциях производилось на степных законах и обычаях, и 2) инородцы, обычаями которых допускалось посредничество в споре, могли не обращаться к родовому управлению, если на это было согласие обеих сторон [8]. По указанным изъятиям члены особого отдела нашли возможным их сохранить и впредь, поскольку в гражданском судопроизводстве основной целью было примирение спорящих сторон и вполне допустимо использование словесной расправы и норм обычного права [12, л. 93–93 об.].

Еще более сложной оказалась проблема преобразования у инородцев судебной власти на принципах, изложенных в «Основных положениях преобразования судебной части в России» от 29 сентября 1862 г. Особый отдел предлагал применить к инородцам «Основные положения преобразования судебной части в России» в следующем виде: 1. Сибирские кочевые и бродячие инородцы в делах о преступлениях и проступках, за исключением маловажных проступков, подведомственных родовым судам, подчиняются ведомству мировых судей и общих судебных мест, на основаниях вообще для Сибири установленных, с некоторыми дополнениями. Круг действий и пределы власти инородческих родовых судов определяются особым положением. 2. След-

ствие и суд над кочевыми и бродячими инородцами производятся или в местах их пребывания, в самих стойбищах, в которых они находились, в определенное главным местным начальством время года, или там, где инородцы собираются на ярмарки. 3. Дела по преступлениям и проступкам кочевых и бродячих инородцев, подвергающим лишению или ограничению прав состояния, производятся по правилам, установленным для производства дел в окружных судах без участия присяжных заседателей. Инородцы не вносятся и в списки присяжных заседателей согласно ст. 33 и ч. 1 ст. 36 «Основных положений». 4. Наказания кочевым и бродячим инородцам за преступления и проступки определяются по общим уголовным законам. Инородцам этих разрядов в местах их кочевья не вменяются в вину деяния, не согласованные с общими учреждениями и уставами, которые в этих местах не введены в действие. 5. Все гражданские иски кочевых и бродячих инородцев, несмотря на их цену, разбираются первоначально в родовых управлениях и инородных управах, по местным обычаям, каждому инородческому племени свойственному. В случае же безуспешности такого разбирательства эти иски, за исключением предоставленных по сумме окончательному решению родовых судов, начинаются по жалобе недовольной стороны у мировых судей или в окружных судах, по принадлежности, и решаются на основании общих гражданских законов. 6. Кроме того, инородцам предоставляется право взамен разбирательства по исковым делам в родовых судах и в общих судебных установлениях обращаться, с согласия обеих спорящих сторон, к разбирательству в этих делах через посредников, не ограничиваясь при этом постановлением о третейском разбирательстве, изложенном в ст. 104 – ч. 3 ст. 109 «Основных положений». Решения этих посредников приводятся в исполнение сразу, и жалобы на них нигде не принимаются [12, л. 99–99 об.].

Если рассматривать работу особого отдела комиссии, то необходимо подвергнуть критике консервативную линию в отношении коренного населения края, хотя следует отметить, что некоторые принципы судебных преобразований и уменьшение сферы действия инородческого суда и обычного права все же предусматривались.

Особый отдел комиссии для работ по преобразованию судебной части в России представил в конце 1869 г. свой проект судебного преобразования в Сибири в Государственный совет. 1 января 1870 г. особый отдел комиссии, равно как и сама комиссия В. П. Буткова, были закрыты. К вопросу о распространении на восточную часть страны судебных уставов 1864 г. вернулись только к концу XIX столетия. Необходимо учитывать, что при проведении судебной реформы в сибирском крае важную роль играл внутривластный курс правительства, который был связан в первую очередь с результатами реформы в европейской части страны.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. возрастает законодательная инициатива правительства в отношении сибирского края. Среди причин, породивших этот интерес, следует отметить экономический и политический факторы. Резкое обострение аграрного вопроса в европейской части России заставило самодержавие взглянуть на Сибирь как на источник дополнительного земельно-

го фонда и принять ряд мер по освоению сибирских «свободных» земель. Проведение аграрных реформ повлекло за собой необходимость изменения общественного и административного устройства сибирского крестьянства, в том числе и инородческого населения [7, с. 44]. Вступление России на путь капитализма оказало сильнейшее влияние на развитие восточных окраин империи. Значительно усложнились задачи административных, полицейских и судебных учреждений, которые в новых условиях должны были обеспечить проведение колонизаторской политики царизма.

В 1892 г. вводится в действие Положение об инородцах. Статья 2 положения сохраняла действие Устава об инородцах 1822 г.: «Все обитающие в Сибири инородные племена по степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главные предмет их пропитания, разделялись на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих» [15, с. 3]. В то же время Положение об инородцах 1892 г. выделило «особый разряд», представленный инородцами Приморской, Амурской областей и Командорских островов, управление которыми осуществлялось главами местных администраций исходя из «местных условий и обычаев разных племен» [2, с. 38]. В соответствии со ст. 7–13 Положения 1892 г. оседлые инородцы «в образе их управления причислялись к волостному или городскому порядку». Управление кочевыми инородцами сохраняло трехстепенный характер и было представлено родовым управлением, инородной управой и степной думой [15, с. 6]. Согласно ст. 61 Положения об инородцах в предметы ведения инородческого управления в Сибири входили судебные полномочия: исполнение определений высших мест по делам гражданским и уголовным, суд в маловажных винах по особому положению [15, с. 20]. Кроме того, фактически все гражданские и уголовные дела между кочевыми и бродячими инородцами подлежали разбирательству в родовых управах, в так называемой «словесной расправе». Изъятые из ведения последней были только такие уголовные дела, как возмущение, намеренное убийство, разбой и насилие, изготовление фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества и кормчество [15, с. 22]. В качестве кассационной инстанции на решения родовых управлений и судом первой инстанции по делам, возбуждаемых в отношении представителей разных стойбищ, выступала инородная управа. Судебное разбирательство по делам, изъятым из юрисдикции инородческих инстанций, возлагалось на окружную полицию. Фактически принятое Положение об инородцах 1892 г. мало что меняло в положении инородцев и в существовании у них «словесной расправы», однако отражало тенденцию государственной политики по отношению к коренным народам Сибири: необходимость установления прямого государственного контроля за реализацией государственно-властных функций.

Осенью 1894 г. была образована особая комиссия под председательством товарища министра юстиции, сенатора, тайного советника П. М. Бутовского [4, с. 148]. Она действовала самостоятельно от Высочайше учрежденной 7 апреля 1894 г. Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под руководством министра юстиции Н. В. Муравьева.

Комиссия Бутовского считала необходимым не только подготовить проект судебной реформы в Сибири, но и дополнить его правилами о подсудности гражданских дел, в которых в качестве сторон участвуют инородцы, и об отмене права приносить жалобы в судебные учреждения по делам, подведомственным словесной расправе инородцев [13, л. 80–83]. В дополнение к действующим узаконениям относительно инородцев кочевых и бродячих предлагалось установить: 1) в случае несогласия с решениями полиции в качестве последней ступени словесной расправы инородцев принесения жалоб не допускать; 2) ведению мировых судей или окружных судов подлежат иски: между инородцами и иными лицами; между инородцами различных народностей; основанные на актах, совершаемых при участии русских властей; предъявляемые инородцами к своим соплеменникам, проживающим в пределах русских поселений; между инородцами, если было согласие между истцом и ответчиком на рассмотрение дела в мировых или общих учреждениях [13, л. 88 об.].

После рассмотрения вопроса об устройстве судебной части в губерниях и областях Сибири в Министерстве юстиции дело было передано в Госсовет. После обсуждения законопроекта 13 мая 1896 г. Николай II утвердил «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» [11, с. 416–425]. В соответствии с этими правилами в подсудность инородческих инстанций входило рассмотрение гражданских исков, предъявленных инородцами к своим соплеменникам; правом обращения в инородческий суд наделялись стороны, которые принадлежали к инородцам и русским, если между ними было достигнуто соглашение об этом и они не имели права обжаловать решение инородческого суда в общих судебных установлениях (ст. 27). Из подсудности мировых и общих судебных установлений согласно ст. 57 изымались дела «о преступлениях и проступках сибирских кочевых и бродячих инородцев». В этой связи действовало Положение об инородцах 1892 г. Таким образом, распространение судебной реформы 1864 г. на сибирский край по-прежнему не решало вопросов подчинения инородцев мировым судам и судам общих установлений и отмены применения норм обычного права.

3 июня 1898 г. на территории Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний было введено Положение о крестьянских начальниках. Это была реализация в Сибири Закона о земских начальниках от 12 июня 1889 г., который был уже распространен на территории европейской России и усилил административный контроль полиции в отношении крестьян. Сибирская администрация признавала за благо распространение на коренное население края этого закона. По мнению И. Л. Горемыкина, «обычаи, на которых должно быть основано управление инородцев, в настоящее время частью исчезли, частью же заменились на произвол родоначальников» и «злоупотребления инородческих начальников столь велики, что держат подведомственное им население в рабстве», «надзор за инородческим управлением со стороны полицейских управлений существует только номинально и никакой пользы не приносит» [7, с. 44]. В соответствии с Положением 1898 г. в ведение крестьянских начальников передавалось не только крестьянское население, но и пе-

реселенцы и инородцы. Исключительно широкими были права крестьянских начальников относительно коренного населения. Статья 35 предусматривала следующие их полномочия: 1) исполнение лежащих на полиции, согласно Положению об инородцах, обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев, 2) разрешение, в качестве третьей степени словесной расправы, судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям [16, с. 15]. Таким образом, крестьянским начальникам предоставлялись те же административно-судебные функции, которые ранее осуществляла полиция в отношении коренного населения. Однако по сравнению с полицией крестьянские начальники получили право разрешать споры, которые превышали подсудность волостных судов на сумму не свыше 2 тыс. руб.: 1) по найму на сельскохозяйственные работы; 2) по отдаче в наем земель или оброчных статей, если не было крепостного, нотариального засвидетельствования договора; 3) по пользованию земельными или иными угодьями, отведенными в надел сельским обывателям, 4) по потравам полей, лугов и других угодий и в том случае, когда одна из спорящих сторон подведомственна крестьянскому, а другая – инородческому управлениям (ст. 36, 37 Временного положения 1898 г.) [16, с. 15–16].

Распространение института крестьянских начальников на новые территории продолжалось и в начале XX в.: 23 апреля 1901 г. в Забайкальской области, 27 мая 1902 г. в Акмолинской, Амурской и Приморской областях [5, с. 283]. Исключение составили Якутская область и Охотско-Камчатский край [1, с. 304].

Таким образом, в начале XX в. действовало Положение об инородцах 1892 г., а принятые акты лишь в незначительной степени ограничивали действие инородческого суда и обычного права и подчиняли их крестьянским начальникам. Исследователи законодательства об инородцах того периода отмечали пробелы и коллизии в действии Положения об инородцах 1892 г. и в применении норм обычного права коренных народов Сибири, справедливо при этом замечая, что такое положение дел приводит на практике к многочисленным недоразумениям и злоупотреблениям [10]. Так, в работе Д. Е. Лаппо, посвященной вопросам права сибирских кочевых инородцев, указывалось, что «в уголовном праве минусинских инородцев наблюдаем полное смешение моментов материального и формального права: истязания и пытки для раскрытия истины сливаются вполне с наказанием обвиняемого; достаточно одного подозрения, оговора, чтобы заподозренный или оговоренный подвергся всем жестокостям словесной расправы: его бьют и истязают, пока он не сознается; а когда он сознается, тогда вступает в действие ст. 86 Положения об инородцах, т. е. примирение спорящих на основании степных законов и обычаев, о чем родовым старостой пишется постановление и отбирается от сознавшегося обвиняемого подписка: он обязывается уплатить потерпевшему определенную сумму... Так осуществляется “главная обязанность словесной расправы” по прекращению “частных между инородцами несогласий” [9, с. 57].

Правительством предпринимались попытки издания свода степных законов, но они не увенчались успехом, в 1836 г. Сибирский комитет разработан-

ный проект не утвердил [12, л. 92]. В действительности вопрос о кодификации норм обычного права поднимался в 30–40-е гг. XIX в., однако, как отмечал Л. М. Дамешек, обычное право уже в первой половине XIX в. не отражало многих реалий в жизни сибирских народов, оно в значительной степени являлось пройденным для них этапом [6, с. 53]. Тем более справедливо это было указать в отношении коренных народов в начале XX в., что и подтверждалось исследователями; такой же точки зрения придерживались и местные власти в указанный период.

Изменение хозяйственной жизни коренных народов Сибири, втягивание их в товарно-денежные отношения требовали изменения политики в отношении действия инородческого суда и применения обычного права. Политика правительства имела консервативный характер и была направлена на сохранение существующих у инородцев системы родового управления и суда, также как и у крестьян – общины и обособленного крестьянского управления и суда, а подчинение инородцев действию общероссийских законов могло ликвидировать юридическую обособленность сибирских народов. В последнем прежде всего были заинтересованы рядовые инородцы, которые страдали от злоупотреблений не столько местных властей, сколько своих состоятельных родовых начальников.

Список литературы

1. *Авдеева О. А.* Сибирь в государственно-правовой системе России в XVII – начале XX в. / О. А. Авдеева. – Иркутск : Оттиск, 2007.
2. *Авдеева О. А.* Сибирь в государственно-правовой системе России (вторая половина XVI – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Авдеева. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.
3. *Авдеева О. А.* Судебная система Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX в. / О. А. Авдеева. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999.
4. *Верховский К.* Преобразование судебного дела в Сибири // Журн. М-ва юстиции. – 1895. – № 8.
5. *Власть в Сибири: XVI – начало XX в.* / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. – 2-е изд., перераб., доп. – Новосибирск, 2005.
6. *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986.
7. *Дамешек Л. М.* Временное положение о крестьянских начальниках 1898 г. и народы Сибири // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири : сб. науч. тр. – Иркутск, 1982.
8. *Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских* // Свод законов Российской империи, изданный в 1857. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. – Т. 10. – Ч. 2. – С. 325–328.
9. *Лаппо Д. Е.* Преступления и наказания по степному праву сибирских и кочевых инородцев (минусинские татары) / Д. Е. Лаппо. – Красноярск, 1905.
10. *Окольский В. О* «словесной расправе» у якутов // Сиб. вопр. – 1909. – № 4. – С. 26–32.
11. *Полное собрание законов Российской империи* : собр. 3-е. – СПб., 1899. – Т. 16. – № 12932.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 65. Д. 3451а.

13. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241.
14. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск, 1997.
15. Сборник узаконений и разъяснений об инородцах Якутской области / сост. И. И. Крафт. – Якутск, 1912.
16. Сборник узаконений об устройстве крестьян и инородцев в губерниях Сибири / сост. И. Л. Горемыкин. – СПб., 1899.
17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Рос. империи, изд. в 1857 г. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. – Т. 15, ч. 1.

Reform of the Judicial System of Indigenous People of Siberia in the Second Half of the XIXth – the Early XXth Centuries

V. M. Derevskova

Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Irkutsk

Abstract. The article considers issues of the judicial system of indigenous people of Siberia in the XIXth – the beginning of the XXth centuries, starting with the reforms by M. M. Speransky and their further development under the conditions of the judicial reform of 1864, held in the region. The author analyzes governmental policy towards Siberian region and the indigenous people, as well as problems of indigenous courts integration into judicial system of the country.

Keywords: judicial system of Siberia, indigenous people, judicial reform.

Деревскова Валентина Михайловна
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая, кафедра общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Иркутский юридический институт
(филиал)
ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной
прокуратуры Российской Федерации»
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1
тел.: 8(3952)23-86-72
e-mail: vderevskova@mail.ru

Derevskova Valentina Mikhaylovna
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Head, Chair of All Humanities
Social and Economic Disciplines
Irkutsk Law Institute affiliated
Academy of the Prosecutor General's
Office of the Russian Federation,
1, Shevtsova st., Irkutsk, 664035
tel.: 8(3952)23-86-72
e-mail: vderevskova@mail.ru